

Оглавление

Мне крышка, мой друг	7
Учитель, на касках блистают рога	24
Прошу, экран, пусти меня	42
Тебе его и не очень жалко, верно?	61
Вы говорили со мной не о том	69
Я всегда была послушной	82
И есть еще краски, но нет холста	94
Мои глаза закрыты, а в ушах вата	107
И продолжатся двадцатые годы	127
Здесь первые на последних похожи	135
Позор и слава в их крови	178
Ты надела все самое красное	192
Вишневые кости метят в висок	206
Я, наверное, смогла бы уйти с тобой	220
Мы выпускаемся в осень	233
Вдруг гайка раскрутилась	246
И дети прячутся	258
Тихо иду ко дну в море девятиэтажек	281
Своих посильнее бей	290
Можешь ставить мне кол	307
В бочке меда к ложке дегтя	326
Страхиваю пепел в это небо	334
И снится палка ее спине	352
Мины превращаются в белые цветы	371

Если только вы согласитесь со мной, что действительно первым толчком, который побудил Перовскую идти по этому скользкому пути, была административная ссылка и что благодаря этой ссылке и той интенсивности идей, замкнутых в среде небольшого кружка, которая мешала строгой их критике, подсудимая дошла до настоящего положения, то в этих обстоятельствах вы должны усмотреть данные, которые до известной степени объясняют судьбу Перовской. Вследствие сего я ходатайствую перед Особым присутствием Правительствующего Сената о возможно более снисходительном отношении к участи подсудимой.

**Присяжный поверенный Кедрин.
Выступления защиты в процессе
по «Делу 1 марта», 1881 год**

Мне крышка, мой друг

Открывает глаза. Темные волосы, запорошенные ранним снегом, кажутся совсем седыми. Кажутся ли? Кто знает, что еще произошло за эту ночь?

Правый кулак сжимается и разжимается, а губы шевелятся, повторяя одно и то же:

Это всё я.

Потряхивает: нельзя так долго сидеть на холодном! Она пытается об этом не думать, но мысли продираются даже под наушники, в которых ревет музыка, перекрывая отдаленную истерику сирен.

Непослушно-озябшими руками вытаскивает из кармана пальто телефон, с третьей попытки вбивает верный пароль и ищет так нужный сейчас номер. Слишком распространенное имя не упроща-

ет задачу. Она ищет пометку «Ф» — то единственное, что отличает его от других, то единственное, что может ее спасти.

Кулак сжимается и разжимается: *держись, держись, держись*.

— Вы сказали, можно позвонить вам, если случится что-то.

Да.

Случилось.

— Вы не могли бы приехать за мной?

Спустя полтора часа она уже сидит в хорошо знакомом кабинете. Дешевые чиновничьи обои под покраску, старая мебель, запах пыли и человеческого пота. Все это успокаивает, напоминая о беззаботных годах в студенческом общежитии, когда дом, пусть временный, состоял из этого антуража.

Ежится. Окна наглухо забиты, но из них дует, а одежда так и не высохла. До одури хочется выпить горячего чая, но ее провожатый молча вышел минут сорок назад и до сих пор не вернулся. Может, прошло только пять минут? Может, несколько часов? Ее внутренний таймер, из года в год отмеряющий урок, засбоил. На улице темно, а телефон он забрал. Выглядел взволнованным и, очевидно, понятия не имел, что с ней делать. Может, он решил закрыть ее в этом кабинете от греха подальше? «Если я проигнорирую, вдруг оно исчезнет само», так? Но она не исчез-

нет, пусть и не надеется. Слишком многое на кону.

Может, так ее проверяют? Кто же это писал? Довлатов? Где-то же она читала, что это их излюбленный метод: оставлять человека наедине со своими мыслями, пока эти самые мысли не обретут четкий ореол покаяния. А уж дожать себя способен каждый: спусковой крючок всегда внутри, а не снаружи. Ей ли не знать.

Меня посадят

Тебя посадят

Щелкает замок, неуклюжая тень протискивается за стол. Вот они оба здесь. Снова.

Мужчина, которому с равным успехом могло оказаться и двадцать пять, и сорок. Она видела его несколько раз и все же едва ли смогла бы опознать за пределами этого кабинета, лишеного малейшего намека на личность его обитателя. Как будто так и задумано, как будто люди его профессии хамелеонами сливаются с обоями своих кабинетов, ведомств и государств, перенимая нужный окрас не только внешне, но и внутренне: белея, краснея, зеленея от случая к случаю, они меняют не только облик, но и свой образ, образ мыслей и чувствований.

Обои и люди под покраску. Недорого.

Вырывается смешок.

Он смотрит на нее с опасливой жалостью.

— Как вы себя чувствуете?

— Одежда промокла. Мне холодно. Если у вас есть обогреватель и чай, стало бы гораздо лучше. Я же здесь надолго, не так ли?

Он морщится, и она понимает. Она говорит своим обычным авторитетно-приветливым тоном, в котором прячется «да, ребята?». Дурацкая учительская привычка, типичная профдеформация, облекшаяся в форму воображаемых «ребят», успешно существовавших в отрыве от реальных школьников, — эти «ребята» покорно выслушивали каждый ее муторный, нестерпимо нравоучительный монолог, которым подавился бы любой составитель сочинений ЕГЭ о добром и вечном, которым захлебнулся бы Лихачев, монологом, от которого ребят настоящих бы замутило, как замутило бы ее саму двадцатилетнюю от себя же тридцатилетней, не извернись за это время ее сознание в изобретении вечно благодарных слушателей.

Он обещает организовать обогрев и вновь исчезает, так и не ответив на вопрос, пусть даже вопрос был риторическим, как и положено клише из сочинения ЕГЭ (*объем не менее 150 слов, работа без опоры на прочитанный текст не оценивается, пишите аккуратно, разборчивым почерком*). Эти клише въелись в ее суть, она говорила и думала клише из школьных сочинений, пока сама не превратилась в ходячее клише, и то, что словосочетание «ходячее клише» было еще одним клише в ее голове, только-только укрепляло ее в этой мысли.

Что ж, теперь она клише не ходячее, а сидячее под замком и камерами, поглядывающими на нее из углов кабинета. Девушка в беде, хотя для девушки она перезрела. Но и старой деве в беде нужен спаситель. Хорошо бы и он понимал, как работают клише.

Тогда же сработало? Или это была лишь игра в поддавки?

В первый раз она провела здесь не меньше суток — без еды, воды, сна и малейших поблажек, которых тогда уж точно заслуживала. Сейчас по первому слову он побежал ей за чаем и обогревателем. Выходит, чем больше вина, тем меньше ответственность? Может, ее и вовсе доставят домой и принесут извинения за беспокойство?

(Опять риторические вопросы, автору сочинения явно не хватает знаков до заветных 150, а высший балл иначе не получить, но надо помнить, что при подсчете слов учитываются как самостоятельные, так и служебные части речи: «все-таки» — одно слово, «все же» — два, «15 лет» — одно слово, «пятнадцать лет» — два слова.)

Если ей все-таки дадут пятнадцать лет, какая разница, сколько слов там будет?

Тогда ей грозили пожизненным, впрочем.

В тот раз ее привезли сюда и бросили. Не подпустили врача. Не позволили умыться. Ее трясло

и тошнило. Кровь отвратительно-приторно пахла, руки слипались, в горле копошился ком. Она боялась, что ее вырвет, но в то же время хотела этого, наплевав на стыд, — это позволило бы хоть на минуту покинуть враждебный кабинет, вдохнуть другой, чуть менее спертый воздух, избавиться от повторяющихся по кругу вопросов, на которые она только и могла отвечать «не знаю» и «нет». Когда же несколько не риторические вопросы пыталась задавать она, раздавалось неизменное: «Не усугубляйте свое положение». Сначала эти вопросы казались простыми, но с каждой ответной репликой лица серых теней все больше затвердевали, теряя всякое жизненное подобие.

ФИО, место рождения, ах вот как, а давно уехали, а где учились, а по национальности-то все-таки больше кто, а вы верующая, а чего умолкли?

Только тогда она поняла.

— Я агностик.

— Но в детстве вас, вероятно, крестили.

— Обратили, — не смогла удержаться, поправила. «Ребята» покачали головой: не сейчас. — Точно так, как поступают и с христианами, — не спросив моего на то разрешения. — Она соглашалась осторожно, предчувствуя ловушку.

— Выходит, в вашей семье исповедовали ислам.

— Сложно представить брак ортодоксальной мусульманки и христианина, не правда ли?

Эти ребята, в отличие от вымышленных, на ее риторический вопрос не откликнулись.

— Атеисты, но с обрядами?

— Дедушка настоял. Мама не хотела его расстраивать. Для отца это ничего не значило, а дедушке было спокойнее. Он просто хотел обряда. Как оберега. Заботился о моей бессмертной душе, — она нервно усмехнулась.

Стоп-тема, казалось бы, но они продолжали гнуть свою линию.

— Учились вы в мусульманской школе.

Сначала их мектеб располагался в здании бывшего детского сада, которое смогли выбить активисты; в числе них была и ее мать. Дети не помещались в классы, учились в три смены, пока родители, обозлившись, не засобирались на митинг. Тогда администрация, разволновавшись, пообещала выделить землю под новое здание. Рабочих так и не выдали, строили сами местные, зато помогала турецкая диаспора. За лето, что болталась на стройке, она выучила больше турецких слов, чем в школе.

— Только до старших классов, потом перевелась в обычную школу. Меня отправили туда из-за языка. Дедушка почти не знал русского. Понимал, но не говорил.

— Не говорил? Удивительно. А вы в курсе, что вашу первую школу закрыли за незаконную деятельность?

— Слышала что-то.

— Связи с иностранными организациями с крайне сомнительной благонадежностью. Прогремело хорошо так, уверены, что ничего про это не знаете?..

— Понятия не имею, что именно там происходило. За это время весь состав мог смениться — и учителя, и администрация...

— Директор, — он назвал знакомое имя, — сидел лет двадцать. С одноклассниками связи поддерживаете?

— Нет. Я не живу там пятнадцать лет.

Как часто надо повторять, чтобы они услышали?

— Но бываете регулярно.

Говорил только один из них — мужчина неопределенного возраста с бесцветными рыбьими глазами. Говорил, упорно понижая интонацию в конце, оттого каждый вопрос звучал как непреклонное утверждение.

— Летом, — с силой выдавила она. Тошнота все усиливалась.

— И ни с кем не общаетесь?

— Общаюсь. С соседями, продавщицей, таксистами. Это считается?

— С таксистами, значит...

— Сервисы такси там не заработали. На болтливого водителя так просто не нажалуешься.

— И не скучно все лето без друзей?

— Все не-лето я шесть дней в неделю по несколько часов говорю на работе. Меня мутит от

собственного голоса, понимаете? Я устаю от людей. Я вообще людей не люблю.

— Не любите людей, значит?

Пришлось вдавить ногти в ноющую ладонь, чтобы не выдать страх, тот самый животный страх слабого перед сильным.

— Я интроверт. И мизантроп. Это статья?

— Не дерзите. И что, всё только на наши курорты ездите? Ни в Турцию там или Египет не выбирались? В Стамбул, может быть? Популярное направление, а какие исторические связи с вашей малой родиной...

Вот и оно. Все равно узнают.

— Нет. Однажды я купила билеты на паром, но все сорвалось, потому что отменили рейсы. Деньги, кстати, не вернули.

Хорошая деталь. Правильная.

— Почему же отменили?

— Потому что... — *Потому что ехать оказалось некому, промелькнуло в голове, но она отмахнулась: не время.* — Потому что как раз в это время произошло присоединение.

— Воссоединение, вы хотели сказать. То есть вы собирались уехать из страны накануне?

Здесь уже очень осторожно.

— Билеты я купила еще за полгода до всего этого, понимаете? В начале года я узнала, что мы досрочно сдаем госы, к середине марта я должна была уже освободиться, а в это время дома погода не лучше, чем здесь. Вот я и решила, что можно куда-нибудь еще съездить. С родителями, — голос чуть задрожал.

— В начале года — это не за полгода.

— В начале учебного года. В сентябре. — Злость на мгновенную слабость придала ей сил.

— Так почему Стамбул? Турецкий знаете?

Отпираться бесполезно.

— Скорее понимаю. Учила его вторым иностранным. В мусульманской школе, как вы могли догадаться. — *Нарываешься, нарываешься.* Торопливо добавила: — Использовать не приходилось.

Зря. Показала, что понимает, к чему они всё ведут. Лучше б в дурочку играла.

Рыбьи глаза сузились:

— Так почему в Турцию?

— Прямой паром, безвиз, древний город, интересная история. Тогда же никто не думал, что все так испортится.

Зря.

— Что значит «испортится»?

— Я имела в виду, поменяется... В плане перемещения...

Ей пришлось прослушать лекцию на тему вреда излишних перемещений в пространстве. «А во времени?» — чесался язык спросить, но она сдержалась. Ей и так хватало вопросов, этих бесконечных изматывающих вопросов. Куда? Зачем? С кем? К кому? Для чего? И все-таки для чего?

Тошнота билась уже не в горле, а выше, она чувствовала, как что-то склизкое, как будто живое, царапает нёбо. Хотелось выплюнуть в эти безжизненные глаза хоть что-то, поэтому и вырвалось искреннее:

Не держите меня за дуру.

Я же все понимаю.

Я же знаю, к чему ваши вопросы.

Никакая я не ортодоксальная мусульманка.

Не состою я в этих ваших экстремистских организациях.

Нет у меня никаких связей с террористами.

Я не имею никакого отношения к тому, что сегодня произошло.

Вы ищете виновного не там.

Я жертва.

Такая же жертва, как и все остальные.

Просто везучая.

Он даже не постарался изобразить удивление.
— Вас никто не обвиняет.

— Тогда к чему эти расспросы? Сколько я здесь уже? Почему вы меня не выпускаете? Почему вы не дадите мне позвонить? Когда я смогу уже смыть *это*? Вы нарушаете мои права... — Все же сорвалась на жалкий визг.

Так нельзя, нельзя, нельзя, только этого им и надо: вымотать, заставить умолять, показать, что они здесь главные, что, пусть она и смогла проявить себя там, зубами, когтями выцепив жизнь, здесь она не отличается от остальных.

Но она сможет.

Сможет.

Только бы умыться, только бы избавиться от зловония, которое исходит от ее рук и одежды, которое, кажется, уже начинает проникать в нее, подменяя собой все внутри, постепенно превращая ее в носителя этого запаха и этой крови, такого же недочеловека, который решил, что сегодня (сегодня ли еще?) он может выбирать, кому жить, кому умереть, кому остаться калекой, а кому лежать на площади искромсанными лохмотьями, — говорили ли вообще об этом в новостях, может быть, кто-то и не знает, почему его муж, жена, сестра, родитель или ребенок не отвечает, и этот кто-то сейчас спокойно, по-будничному занимается своими делами, не представляя, что произошло, не зная, что его прежний мир безвозвратно разрушен, а кто-то, чудом уцелевший, придет сегодня домой (не все же сидят в соседних кабинетах под прицелом камер и рыбьих глаз — пока что

только под этим прицелом, но кто знает, что будет дальше) и расскажет, а потом жене, мужу, сестре, матери или сыну этого кого-то будут сниться кошмары, и кто-то переживет, но кто-то захочет мести, всегда кто-то хочет мести, а значит, это не закончится никогда.

— Что с вами? Вы слышите, что я говорю?

Она с трудом отвела взгляд от своих рук. Правая рука саднила и немела. Ей казалось, что один из осколков так и остался внутри. Чья же это теперь рука?

Под нос сунули стакан с водой.

Кипяченая, невыносимо теплая, она плескалась во рту, как та соленая вода, которой сдуру хлебнешь в море на городском пляже посреди августовского зноя, уже зная, что расплата не заставит себя ждать.

Она подавилась, закашлялась и прижала ко рту руку, сдерживая рвущееся наружу.

— Я провожу вас в уборную.

Это был первый раз, когда он позаботился о ней.

Когда на этот раз он явился с термосом, побитым молью шерстяным пледом и испуганно-напряженным лицом, она почти готова была рассмеяться. Если в беде старая дева, то и спасение соответствующее.

— Что-то забавное? — раздается неуверенное.

— Вспомнила, как я была здесь впервые.

— Вам смешно? — он хмурится.